

И.М. ПОПОВА, М.Б. КУНЯВСКИЙ
СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕНА "ЗАПАЗДЫВАЮЩЕЙ"
МОДЕРНИЗАЦИИ

Попова Ирина Марковна - доктор философских наук, профессор кафедры социологии Одесского университета им. И.И.Мечникова; Кунявский Михаил Борисович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Социологического информационно-исследовательского центра "Пульс" (Одесса).
Адрес: Одесса, Генуэзская ул., 22/24; тел.: (048) 64-84-67; e-mail: michael@pres.intes.odessa.ua

Трансформационные процессы в постсоветских обществах часто именуются "запаздывающей" модернизацией [1], при этом имеются в виду не столько хронологические, сколько качественные характеристики. Прежде всего обращается внимание на слишком высокую социальную цену, которую приходится платить за "запаздывание", на серьезные кризисные явления и социальные стрессы. В конечном счете такая модернизация не просто оказывается неэффективной, осуществляется лишь частично и обычно не доводится до конца. Она, как считает Н.Ф.Наумова, оборачивается трагедией для населения, включенного в данный процесс, и становится "рецидивирующей". Последняя означает периодически возвращающуюся модернизацию "вдогонку" с ее тяжелыми социальными последствиями и высокой человеческой ценой" [2]. Характеристика модернизации как "запаздывающей", а еще более определенно - ее квалификация как "догоняющей" предполагают признание некоего эталона, к которому следует стремиться, общества, которое необходимо догнать. В современных теориях модернизации содержится и ответ на вопрос об эталонном обществе. Под "догоняющей" модернизацией понимается такой путь национального ускорения, когда страна повторяет все этапы, пройденные странами Запада [3]. В социологической литературе обращается внимание на серьезнейшие изъяны такого рода модернизации, суть которой, по мнению В.О.Рукавишника, более точно передается термином "вестернизация" и означает изменение менталитета общества, принятие ценностей и норм западного, в первую очередь американского образа жизни [4].

Именно с распадом традиционно-исторической культуры и поверхностным восприятием культуры западной связывают неосуществимость "догоняющей" модернизации [3, с. 51]. "Откаты" и "рецидивы", таким образом, - результат не только непомерных материальных лишений. Они обусловлены серьезным социокультурным несоответствием происходящих процессов тому, что было укоренено и что составляло и составляет особенность общества, на которое "обрушилась" лавина изменений.

В основу данной статьи положены результаты эмпирических исследований, проведенных в Одессе и Одесской области в 1996 году¹. Мы учитывали тот факт, что жители нашей области, а

¹ Первое из них было осуществлено в январе 1996 года благодаря финансовой поддержке Международного Фонда "Відродження" (проект OD-95-RDF-8-2-3-2-1-1, научный руководитель И.М.Попова). В рамках этого исследовательского проекта было опрошено 774 жителя Одессы, районных центров и сел Одесской области. Выборочная совокупность

особенно города, и ранее (до провозглашения перехода к рыночной экономике) отличались предприимчивостью и стремлением к экономической свободе. Уже в декабре 1989 года, по данным наших исследований, за предоставление равных прав и возможностей для развития разных форм собственности (государственной, коллективной, индивидуальной и др.) высказывалось около 76% опрошенного населения области (в Одессе 82%). В мае 1990 года почти 70% опрошенных одесситов высказались за то, чтобы была узаконена частная собственность. В апреле 1991 года 76% жителей Одессы считало, что для преодоления кризиса в стране прежде всего необходимо "широкое развитие частного предпринимательства".

С самого начала декларирования курса на переход к рыночной экономике одесситы высказались за необходимость его проведения. Причем сторонников решительного перехода к рынку было больше, чем тех, кто считал, что этот переход следует осуществлять осторожно. Прорыночные ориентации преобладали в общественном сознании с 1990 по 1995 годы. Хотя сторонников реформ из года в год становилось меньше, все же они до последнего времени оставались в большинстве. Процесс усиления антирыночных настроений привел к тому, что в январе 1996 года в Одесской области было зафиксировано качественное изменение ситуации: количество противников рынка превысило число сторонников перехода к нему тем или иным способом. Что касается Одессы, то при 40% сторонников и 25% противников рынка 35% затруднились отнести себя к тем или другим (табл. 1).

Таблица 1

Отношение населения к переходу к рыночной экономике, %

К рыночной экономике следует переходить:	X. 1991		III. 1992		VI. 1994		I. 1996	
	Обл.	Одесс.	Обл.	Одесс.	Обл.	Одесс.	Обл.	Одесс.
Быстро и решительно	47	54	26	35	26	37	19	23
Медленно и осторожно	21	17	22	24	23	23	11	17
Лучше вернуться к тому, что было раньше, до перестройки	10	4	29	17	34	21	41	25
Затрудняются ответить	22	25	23	25	17	18	29	35
Всего, абс.	1004	423	1000	420	1022	443	774	352

Обдумывая данные, полученные в 1996 году, и размышляя над тем, какую социальную цену приходится платить за нашу "доморощенную" модернизацию, мы исходили из широкого (в определенном смысле) толкования социального, социальной сферы и социальной политики, а соответственно - из относительно расширительного понимания самой социальной цены. Понятие "социальное" мы связываем с материальными условиями и средствами воспроизводства человека как субъекта общественных отношений. "Средства и условия воспроизводства" человека как общественного существа носят конкретно-исторический характер. На современном уровне общественно-исторического развития они включают, например, и средства, обеспечивающие получение информации, доступность различного вида образования, наличие условий профессионального развития и рекреации, предметно-вещественных средств удовлетворения духовных потребностей и многое другое. Но главное, что характеризует, с нашей точки зрения,

"широкую" трактовку социального, -признание трудовой деятельности (ее содержания и характера, условий ее осуществления) как важного социального фактора и необходимого условия воспроизводства человека как общественного существа. Характеристика социальной цены реформирования предполагает учет не только изменения распределительных механизмов общественных отношений, но и изменения содержания и характера самой трудовой деятельности, рассмотрение труда как средства самоутверждения и самореализации, как способа сохранения человеческого достоинства.

Уход от узко распределительной трактовки социального предполагает и определенное понимание сущности социальной политики. Последняя прежде всего должна быть направлена на обеспечение справедливых условий для осуществления трудовой деятельности, что дает человеку возможность стать полноценным членом общества и является в конечном счете (благодаря соответствующей оплате труда) средством удовлетворения многообразных потребностей.

Заработок и возможность поддерживать достойный уровень благосостояния семьи - это и способ самоуважения и предмет гордости. В этой связи значительный интерес представляет разграничение бедности "сильных" (полноценных, квалифицированных и даже выдающихся работников) и бедности "слабых" (нетрудоспособной и малотрудоспособной части населения) [5]. Бедность первого рода (ее именуют "производственно-трудовой", "экономической") представляет, как считает Л.А. Гордон, особую социальную опасность и "устраняется главным образом косвенной помощью, созданием условий, стимулирующих и развивающих их собственную трудовую активность, что, в конечном счете, увеличивает богатство общества в целом" [6]. Совершенно верно обращается внимание на то, что именно "сильные" члены общества, привыкшие чувствовать себя "солью земли", острее всего воспринимают социальную несправедливость. "Слабую" часть народа, несмотря на ее нищету, богатство верхов нередко возмущает гораздо меньше, чем полноценных работников [6, с. 27].

Однако острота переживания социальной несправедливости "сильными" обусловлена не только сравнением своей бедности с богатством верхов, но и тем, что отсутствуют условия для того, чтобы добросовестно и профессионально выполнять свое дело, в котором они "знают толк" и которое является не только материальной, но и духовной, нравственной точкой опоры. Если следовать совету Ч.Р.Миллса и личные заботы поднять на уровень общественных проблем, то практически каждый из нас так или иначе соприкасается с трагедией людей, страдающих от невозможности профессионально делать "свое дело". Это угнетает не в меньшей степени, чем невыплата зарплаты и унижительная зависимость от богатого ученика или пациента. Необходимость "халтурить" и "ловчить" для грамотного инженера, квалифицированного рабочего, наконец, для любого специалиста - тяжелая ноша, которую многим "сильным" просто не осилить! Об этом говорят и результаты опросов. Так, в качестве косвенного свидетельства можно привести следующие данные: индекс оценки справедливости общества в нашем опросе 1996 года оказался самым низким в возрастной группе 40-49 лет (период в жизни, когда сочетаются активность и трудоспособность с опытностью и квалифицированностью). К прямому свидетельству того, что "реформы" мало содействовали улучшению "трудовой мотивации", можно отнести ответы населения на вопрос - больше ли

стало возможностей так или иначе проявить себя (в сравнении с тем, что было несколько лет назад). Во-первых, у большинства (51% в Одесской области) сократились возможности заработать. Людей, у которых они расширились, гораздо меньше (22%). Еще важнее другое обстоятельство: слой людей, у которых теперь меньше возможностей реализовать свои знания, умения и способности, гораздо шире, чем тех, у кого их стало больше (соотношение соответственно 41% и 17%). Лишь 1/4 опрошенных считает, что реальнее стало проявить инициативу и самостоятельность.

Между тем, как известно, именно развитие трудовой мотивации, подъем заинтересованности человека в труде ("чувство хозяина") обычно относят к одной из главных целей реформы, наряду с преодолением огосударствления собственности, заменой окостенелой и неэффективной административно-командной системы на гибкую, соответствующую рыночным отношениям [7]. Фактически первая цель - основополагающая, ибо другие - скорее средства для создания условий, в которых и формируются "новая трудовая мотивация", "чувство хозяина" и т.д. Однако, как свидетельствуют данные, полученные российскими социологами, различные показатели отношения к труду за период с 1986 по 1995 годы значительно понизились [8]. Реформы, таким образом, не только не стимулировали трудовую деятельность основной массы населения, но существенно понизили уровень его *трудовой* мотивации, ухудшили его материальное положение, а также профессиональный и квалификационный потенциал. Потенциал этот, если судить по оценкам опрашиваемых, явно недоиспользуется: около 70% занятых (без работающих пенсионеров и домохозяек) считают, что они могли бы "работать более напряженно, более интенсивно". Экономические ориентации подавляющего числа населения имеют вполне трудовой характер: люди хотели бы работать и зарабатывать себе на жизнь (табл. 2).

Это недоиспользование человеческого потенциала, следствием чего является "производственно-трудовая бедность", является, с нашей точки зрения, самой значительной социальной ценой, которую мы платим за реформы (если можно назвать реформами то, что происходит в постсоветских обществах). Именно в "производственно-трудовой бедности" - если не рассматривать ее с узко распределительных позиций, а учитывать характер и условия деятельности - сплетаются в одно целое основные функции социальной политики, на которые обращает внимание Н.Ф.Наумова: экономическая (стимулирующая), стабилизирующая (направленная на осознание социальной справедливости происходящего) и стратегическая (сохраняющая человеческий потенциал) [1, с. 7]. Именно такого рода бедность - свидетельство разбалансированности этих функций и порочности социальной политики, которая сопутствует проводимым реформам.

Таблица 2

Экономические ориентации респондентов, %

Если бы вы могли выбрать, то что бы вы предпочли?	Январь 1996 года
Работу без особого напряжения, с небольшим, но твердым, гарантированным заработком	28
Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	47
Заниматься тем, что хоть и связано с большим напряжением и риском лишиться всего, зато может сделать богатым	3

Вообще не работать, но иметь какой-либо источник дохода, достаточного для нормальной жизни	7
Затрудняюсь ответить	15
Всего, абс.	774

Коснемся в этой связи сложных проблем "менталитета". Высокую цену массового обнищания, которую платит общество в ходе нынешнего переворота в экономических отношениях, часто объясняют особенностями менталитета основной массы наших сограждан. Термин этот, как известно, в последнее время широко употребляется не только в социологической, но и в самой разнообразной гуманитарной литературе. Его обычно используют для обозначения глубинных характеристик общественного и индивидуального сознания, специфического душевного склада, что так или иначе проявляется в самых различных сферах жизни общества и является существенным компонентом любых общественных преобразований. Что касается культурно-исторической специфики обществ, вступающих на путь модернизации, то этим вопросам уделено внимание как в тех статьях, на которые мы уже ссылались, так и в других, где специально рассматриваются проблемы "самобытности" трансформационных процессов [см., например, 9]. Вульгарное же представление о влиянии так называемого советского менталитета (на который пытаются многое "списать", в частности, невысокое качество труда, незаинтересованность в труде, безынициативность, примитивный характер отечественного предпринимательства) содержится в мифе о ленивых "совках", каковыми являются якобы большинство наших сограждан. Между тем результаты сравнительных социологических исследований, проведенных в разных странах (в том числе и на Украине) среди жителей экссоциалистических стран, лентяи, безынициативные люди с люмпенской психологией встречаются не чаще, чем в любой так называемой цивилизованной стране, с укорененной рыночной (капиталистической) экономикой (США, Германия, Япония и т.п. [10]).

Можно сделать некоторые предположения, почему этот миф относительно успешно функционирует, несмотря на то, что он не соответствует действительности и ранит наше самолюбие. Уже само его возникновение могло иметь мобилизационный смысл в пору перестройки: он способствовал десакрализации, развенчанию прежних мифов о превосходстве "социалистического" труда, основанного на "общественной" собственности - без этого трудно было бы получить массовую поддержку и оправдание, необходимые для быстрого слома прежнего строя и изменения форм собственности. Идеологема "совок" также могла импонировать некоторой части нашей интеллигенции, для которой характерно стремление к мазохистскому самоуничтожению. Наконец, этот миф в некотором смысле удобен для оправдания действий многих "новых русских", "новых украинцев" и прочих "homo novus": ведь если основная масса населения - "совки", то позволительно не считаться с их интересами и человеческим достоинством.

Данные обследований подтверждают, что среди наших сограждан преобладают те, кто готов напряженно работать: совсем немного представителей племени азартных игроков, готовых ради крупного выигрыша рискнуть всем; и довольно значительна доля тех, кто хотел бы попробовать себя в предпринимательском деле.

Отношение респондентов к предпринимательству выяснялось в ответах на вопросы - хотят ли они иметь собственное дело, и есть ли у них для этого реальные возможности. Сравним данные, полученные в различные годы (табл. 3).

Таблица 3

Отношение респондентов к предпринимательству, %

<i>Хотите ли вы иметь собственное дело (частное предприятие, фирму)?</i>	Март 1992	Июнь 1994	Январь 1996
Да	26	29	35
Нет	59	50	47
Затрудняюсь ответить	15	17	16
У меня уже есть собственное дело	*	4	2
<i>Есть ли у вас реальные возможности иметь собственное дело?</i>			
Да	7	9	6
Нет	87	77	84
Затрудняюсь ответить	6	9	8
Всего, абс.	1000	1022	774

* В анкете 1992 года данный вариант ответа не предусматривался

Как видим, тех, кто хотел бы иметь собственное дело, в последнее время стало несколько больше. Доля же уверенных в том, что для этого есть реальные возможности, не увеличивается. Препятствующие внешние обстоятельства — это прежде всего отсутствие стартового капитала. Накопить его из трудовых доходов даже высококвалифицированных работников невозможно. Банковский кредит для основной массы недоступен. Предпринимательство в итоге развивается лишь в незначительной степени.

При нормальной экономической политике на предпринимательскую прибыль живет примерно 10% населения. У нас на Украине и, в частности, в Одесской области "владельцев" или "совладельцев", в основном мельчайших - приблизительно 3-5%. Их было бы больше при разумной налоговой политике и защите честного предпринимателя от криминальных посягательств. Но, по оценке опрошенных нами в 1992-1996 годах предпринимателей, большая часть деловых людей всегда имела меньше проблем от частного рэкета, чем от специфической "требовательности" представителей государственной власти. Интересно и то, что такой фактор (из мешающих предпринимательству), как "недостаток инициативы и заинтересованности у ваших работников" - оказывался на одном из последних мест. Если бы на Украине был создан хотя бы нейтральный климат для формирования так называемого среднего класса - частный сектор вырос бы незамедлительно. Причем не только в городах, но и в селах. В Одесской области, например, по данным нашего опроса, 42% крестьян хотели бы иметь собственное дело, вести фермерское хозяйство (вопреки уверениям лиц, заинтересованных в сохранении нынешнего положения вещей).

Готовность (причем на деле, а не на словах) много и напряженно трудиться — явление массово распространенное. Известно сегодняшнее состояние рынка труда, продолжающееся сокращение количества свободных рабочих мест вообще, а для труда квалифицированного - особенно. Но даже в этих условиях довольно много людей умудряются обеспечить себе "вторичную занятость", найти и вторую, и третью работу. В Одессе, например, в первой

половине 1996 года на 2-3 работах было занято 11% населения. А учащиеся вузов и безработные, потерявшие место не по своей вине? В общей сложности это примерно четверть взрослого населения Одессы. Они не ждут пассивно положенных им стипендий и пособий, а зарабатывают где, как и сколько смогут. То же самое можно сказать и о наших бюджетниках - рабочих, ИТР, преподавателях, врачах, месяцами *работающих* без зарплаты.

Сложность определения социальной цены "запаздывающей" модернизации в постсоветских странах, помимо прочего, состоит и в том, что не вполне адекватно оцениваются "стартовые характеристики". Действительно, что *в социальном отношении* представляет то, от чего мы хотим уйти, и в каком направлении мы движемся? Наконец, как связано это движение с эталонами модернизации? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к некоторой обобщенной картине, складывающейся благодаря различным теориям модернизации. Не будем перечислять все черты, называемые обычно при характеристике перехода от традиционных, доиндустриальных обществ к "современному". Обратим внимание на социальные аспекты модернизационных процессов - как они характеризуются в западной социологической литературе 50-60-х годов [11, 12]. Акцентируется внимание на все большую открытость системы социальной стратификации, значимость так называемого "достижимого статуса", тенденции создания ситуации "равных возможностей". С 60-х годов все большее значение придается необходимости разграничения уровня и качества жизни [13].

Повышение качества и (что не менее важно) доступности образования, особенно высшего, качество и доступность здравоохранения, организация здорового образа жизни, особенно детей и подростков - все это относят к более позднему периоду модернизации. Фактически речь идет о том этапе развития западного общества, когда модерн плавно переходит в "постмодерн", когда, по выражению З.Баумана, трудно ответить на вопрос: это "еще пес или уже кот" [14]. Но ведь этот "постмодерн" уже был в советской действительности, и граждане постсоветских государств (кроме, разве, самых молодых) об этом помнят! И если учитывать не только уровень жизни, но и то, для обозначения чего использовались не вполне определенные понятия "качество", "стиль", "образ" жизни, - то это еще вопрос, кто кого догонял.

Отсутствие бытового комфорта и скудный ассортимент товаров сочетались с доступностью многих благ, которые считались естественными: относительно дешевые транспортные услуги (а, следовательно, возможность общения с родственниками, друзьями и знакомыми, проживающими в любой точке необъятной страны, возможность организовать семейный летний отдых), доступность театров, концертных залов и библиотек (не только общественных, но и личных), возможность бесплатно посещать спортивные секции и самодеятельные кружки и многое другое. Хотя качество многих услуг было различным для разных социальных групп (услуги наиболее высокого качества были доступны лишь высшей номенклатуре), ассортимент их для основной массы населения был достаточно обширен и многообразен. Можно даже сказать, что наличие этих условий давало возможность обеспечивать *средний* уровень культуры более высокий, нежели средний уровень "массовой культуры", характерной для западных "модернизированных" стран.

Потеря этих благ на постсоветском пространстве воспринимается (особенно относительно образованной и квалифицированной частью населения) не менее остро, чем

необходимость "затянуть потуже ремешок" или невозможность реализовать себя в своем деле. Действительно, сравним: соотношение тех, у кого больше возможностей заработать, реализовать свое умение, проявить инициативу, и тех, у кого таких возможностей стало меньше, характеризуется (об этом шла речь выше) как 1:2 или 1:1,5. В то же время число людей, у которых за последние несколько лет стало больше возможностей культурно отдохнуть и провести свободное время, в 8 раз меньше количества тех, у кого эти возможности резко сократились. И это тоже социальная цена, которую мы платим за мнимую, в определенном смысле, модернизацию и которая дает возможность в более полном масштабе оценить наши "стартовые условия". Обращая внимание на важность культурных факторов для восприятия происходящих изменений и на соотносимость этих факторов с социальной ценой реформирования, мы исходим из той значимости "жизненных форм" и "культурных стилей", которую последние приобретают в современном обществе.

Используя "подход в стиле Бурдьё", Л.Г.Ионин обращает внимание на то, что "культура играет роль активного медиума, созидającego, лепящего, так сказать, классово-слоевые идентификации" [15]. Отсутствие возможностей поддерживать привычный культурный стиль воспринимается "массовой интеллигенцией" как унижение, как падение на низшие ступени социальной лестницы. И в этом плане значительное ухудшение "стартовых условий" несомненно.

К социальной цене модернизации следует отнести также чрезвычайное упрощение социальной структуры, характерное лишь для слаборазвитых стран Африки, Азии или Латинской Америки: на одном полюсе - тончайший слой бюрократии и компрадорской буржуазии, на другом - вконец обнищавшая масса беспощадно эксплуатируемых подданных. Мы уже немало преуспели в достижении такой "цели": неравенство в распределении доходов далеко ушло от умеренных показателей, типичных для развитых стран. В Одессе летом 1989 года среднедушевые доходы у 10% самых зажиточных семей были примерно в 4 раза выше, чем у 10% наиболее бедных; в апреле 90-го они были выше уже почти в 5 раз; в марте 92-го - почти в 10 раз; а в первом полугодии 1996 года (по обобщенным данным четырех репрезентативных опросов, N=2800) - в 23 раза. И это при том, что посредством опросов (основного для социологов метода сбора соответствующей информации) удается зафиксировать далеко не весь диапазон неравенства: не "охватываются" самая обеспеченная и немногочисленная часть населения, а также представители социального "дна" [16].

Существует, правда, точка зрения, согласно которой доверять данным опросов о величине доходов все же нельзя: господствующая до сих пор "культура бедности" приучила граждан "прибедняться" и уменьшать свои доходы [17]. Однако наши данные свидетельствуют о том, что бедность в настоящее время - по крайней мере, среди наших земляков - не престижна. Они в большей степени склонны приписывать "бедность" другим, чем себе. Себя же чаще, чем других, относят к "не вполне обеспеченным" (табл. 4).

Таблица 4

Самоидентификация и оценка статуса "других", %

К каким людям относят:	Себя	Большинство сограждан
Состоятельным (богатым)	0	2
Достаточно обеспеченным	5	4

Не вполне обеспеченным	53	41
Бедным	30	40
Практически нищим	6	5
Затруднились ответить	4	8

Интерпретируя эти данные в соответствии с концепцией каузальной атрибуции, можно сделать заключение: бедность неправомерно относить к числу "одобряемых" качеств. Что касается "сокрытия" доходов, то вряд ли этот фактор значим для основной массы населения, попадающей в опросы. Проведенный нами методический эксперимент показал, что все наши (вполне естественные, впрочем) сомнения в искренности опрашиваемых необоснованны. При экспериментальном опросе (N=500) была обеспечена стопроцентная анонимность (причем условия, в которых этот опрос проводился, делали полную анонимность абсолютно очевидной для опрашиваемых). Данные о величине и распределении доходов мы получили точно такие же, как и тогда, когда вроде бы стопроцентная анонимность, с точки зрения респондента, не гарантировалась.

В результате опросов мы получаем относительно достоверную, но, как отмечалось выше, не полную картину дифференциации доходов: нет сведений о доходах людей не просто обеспеченных, зажиточных, а богатых и сверхбогатых. Получить эту информацию в ходе репрезентативных массовых опросов невозможно как раз из-за их репрезентативности. Чтобы оценить хотя бы приблизительно размеры доходов этой социальной группы, их долю в общей сумме доходов, получаемых в Одессе, мы использовали методику экстраполяции. Не вдаваясь в технические детали расчетов, приведем их результаты (табл. 5)².

Разумеется, далеко не все эти доходы идут на личное потребление, в том числе на службу, охрану, отдых и т.д. Значительная часть средств снова вкладывается в дело, увеличивая капитал и принося все возрастающую за счет этого прибыль. Многие предпочитают не рисковать и основную часть своих доходов оставляют за рубежом (или переправляют туда). Но как бы они ни тратились — это часть совокупного дохода одесситов. И когда мы учитываем вероятные доходы "верхних десяти тысяч" самых зажиточных наших сограждан, то картина распределения доходов становится контрастной до неправдоподобности: если принять за основу осторожные оценки, то летом 1996 года в Одессе среднедушевые доходы 10% самых богатых были в 73 раза выше, чем доходы 10% самых бедных. Поляризация более значительная, чем даже в странах Латинской Америки (по их официальной статистике) [18].

Таблица 5

Величина среднемесячного дохода богатых одесситов
(расчетные, по осторожной оценке)*

Среднемесячный доход на душу населения, USD	Доля населения	N, чел
---	----------------	--------

² Упомянем только, что оценки проводились по двум разным "сценариям", причем в обоих случаях величина математико-статистического показателя, характеризующего степень вероятной достоверности результатов (коэффициент детерминации R²) практически вплотную приблизилась к максимально возможной и по первому - "осторожному", и по второму - "радикальному" (по результатам) сценариям. Иными словами, в обоих случаях вероятность того, что мы правильно оцениваем размеры доходов богатых, практически стопроцентна.

800	.35	3500
1000	.20	2000
1300	.15	1500
2000	.10	1000
3900	.05	500
4300	.045	450
5500	.035	350
7800	.025	250
13000 и более	.015	150

* Результаты зондажного опроса представителей низших слоев "верхних десяти тысяч" одесситов-предпринимателей, проведенную З.Франкян в 1997 году, подтверждают наши расчеты.

Принято считать, что неравенство доходов в современных индустриальных обществах имеет определенный социальный смысл, выступая как серьезный мотив трудовой активности, социальной мобильности людей, повышения своего статуса, расширения своих возможностей в рыночном мире. Однако этот фактор срабатывает лишь тогда, когда различия в доходах не чрезмерны, когда в нижней части социальной пирамиды не образуется "дно", тупик нищеты, из которого невозможно выбраться честным трудом. Такая ситуация ведет к самым негативным макро- и микроэкономическим последствиям, создавая к тому же невыносимый социально-психологический климат. Она практически разрушает трудовую мотивацию, подрывая тем самым возможности возрождения экономики.

Обратим внимание на еще один важный момент - фактическую примитивизацию социально-профессиональной структуры, а соответственно и примитивизацию (в определенном смысле однородность) жизненно-стилевого репертуара, достижимого для основной массы населения. Данное утверждение вроде бы противоречит выводу о том, что "необходимость борьбы за выживание не обедняет, а наоборот, обогащает жизненно-стилевой репертуар индивидов", ибо ученый зарабатывает на жизнь как водитель такси, а рабочий - как коммерческий посредник и др. [15, с. 33]. Но тогда имеет место в некотором смысле парадокс: ролевое "обогащение" на уровне *индивида* (хотя оно также сомнительно) неразрывно связано с чрезвычайным обеднением социально-ролевой структуры общества.

Репертуар ролей, исполнение которых дает возможность выжить, в значительной степени ограничен. Зарабатывая как таксист, "ученый" не реализует себя как ученый и не может поддерживать соответствующий жизненный стиль.

Верно, что в сравнении с предшествующим советским периодом имеет место "широта предложений в области образования" [15, с. 34], но вряд ли можно согласиться с тем, что эта широта приводит к горизонтальной дифференциации занятий и жизненных стилей. Многообразие приобретаемых профессий оборачивается однообразием видов деятельности, которые дают возможность поддерживать желаемый, а часто просто необходимый уровень жизни. Причем образование в данных условиях, скорее, играет роль "отложенной ценности", ибо заработок обеспечивается работой, не требующей высокого образования и квалификации. Тот факт, что почти четвертая часть (по нашим данным) имеющих самые высокие доходы - молодые люди 20-29 лет, и среди них лиц с неполным средним образованием вдвое больше, чем среди имеющих низкий доход, как раз и говорит о том, что образование и квалификация в настоящее время уже не являются решающими для получения

относительно высоких доходов. Перспективы же обеспечить себя, выполняя высококвалифицированную либо квалифицированную работу различного профиля, у молодежи очень незначительны.

С нашей точки зрения, государственные предприятия в этом отношении (наличие рабочих мест, требующих специальной подготовки и квалификации) имеют некоторые преимущества в сравнении с возникшими частными, занимающимися, как правило, посреднической деятельностью. Этим, в частности, объясняется тот факт, что практически во всех опросах доля предпочитающих работать на государственных предприятиях наибольшая (при том, что многие предприятия простаивают и работники месяцами не получают зарплаты!). По нашим данным, такое желание выразили 41%, тогда как на частных предприятиях различного вида предпочли бы работать 23%.

Пытаясь объяснить такого рода предпочтение, Р.Рывкина и Ю.Симагин пишут: "Возможно, они имеют в виду не "сегодняшние" государственные предприятия, находящиеся на грани выживания, а те, где регулярно выплачивают зарплату и гарантируют работникам социальное обеспечение (что в определенной мере связано с советским прошлым)" [19]. Думается, однако, что это не столько свидетельство ностальгии, сколько восприятие государственных предприятий как мест приложения более многообразных знаний и навыков - хотя бы потенциально, - чем объясняются и возрастные различия в предпочтениях. Кстати, по данным тех же авторов, предпочтение частным российским предприятиям определенно отдают лишь самые молодые (18-24 года). В следующей возрастной группе (25-39 лет) доля таких людей уже резко падает и является практически такой же, что и в группе 40-55 лет. Это при том, что респонденты считают условия работы на частных предприятиях лучшими [19, с. 55].

Таким образом, социальная цена, о которой идет речь, весьма многообразна, что находит отражение в общих оценках изменения жизни. В мировой социологической литературе (прежде всего посвященной анализу социально-психологических последствий экономического кризиса 30-х годов) отмечается значимость для настроений именно *изменения* социального положения и его восприятие. Приведем данные, свидетельствующие о том, как это выглядит в нашем регионе (табл. 6).

Таблица

6 Динамика оценок изменения жизни в целом, %

В целом ваша жизнь за последние несколько лет:	Май 1990 (N=553)	Январь 1996 (N=774)
Ухудшилась	26	81
Не изменилась	48	10
Улучшилась	17	4
Затрудняюсь ответить	9	5
Индекс оценок	- 10	-76

Особый интерес, однако, представляет сравнение приведенных оценок, с одной стороны, и оценок материальной жизни - с другой. Оказалось, что в целом по массиву индекс оценки изменения жизни вообще на 14 единиц ниже индекса оценки изменения материального положения (они равны соответственно - 76 и -62). Значимость оценки изменения жизни в целом для того, что ожидают в будущем (судя по значению коэффициента Крамера), такая же, что и значимость оценки изменения материального

положения, а для "уверенности в завтрашнем дне" - даже несколько большая (соответственно 0,28 и 0,23). Индекс изменения оценки жизни в целом у "уверенных" почти в 2 раза выше (-45), чем у "неуверенных" (-87). Интересно и то, что разница оценок "в пользу" изменения оценки жизни в целом (то есть более низкого ее значения) является наибольшей у руководителей предприятий (35 единиц - напомним, что в выборку попадают, как правило, руководители невысокого ранга), у представителей гуманитарной интеллигенции (25) и рабочих (22).

Представляет интерес и характеристика динамики "ожиданий", которая, несомненно, свидетельствует о масштабах социальной цены и о том, в какой степени она определена стартовыми условиями. Судя по данным об "общих" ожиданиях в январе 1990 года, население относилось к будущему, скорее, с оптимизмом - индекс "ожиданий" был равен 21. В 1996 году он понизился на 43 единицы (-22). Любопытно и распределение ответов по различным вариантам (табл. 7).

Таблица

7 Отношение к перспективам изменения жизни к лучшему, %

Ожидаете ли вы изменений к лучшему в вашей жизни	Декабрь 1989 (N=980)	Январь 1996 (N=774)
Нет, в обозримом будущем не жду	18	40
Да, но не скоро	23	25
Да, через 5 лет	25	9
Да, в ближайшие год-два	17	8
Не знаю	17	18

Обращает на себя внимание нарастание пессимизма. Идеи реформирования в глазах населения тускнеют, если не блекнут вовсе.

Многочисленная литература, посвященная анализу модернизационных процессов, теснейшим образом связывает их успешность с наличием идеи, способной консолидировать население, объединить самые различные силы общества для достижения общих целей и разделяемых ценностей. Обращается внимание на то, что модернизация - не только реальный процесс развития, но и определенная идеология. "Идеология модернизации ставит задачу значительного улучшения жизни в будущем и побуждает людей изменить свое поведение для того, чтобы осуществить эту цель. Как идеология будущего, модернизация повсюду имела сходные цели: национальная независимость, экономическое благосостояние и социальное равенство. Как процесс, модернизация требует использования различных методов для достижения целей в разных местах" [20]. Различие методов модернизации предполагает и многообразие идей, ее стимулирующих. Интересные соображения на этот счет высказывает Н.Н.Зарубина: "Помимо ценностей, аналогичных "протестантской этике", модернизация нуждается в целом комплексе идей, которые бы ее поддерживали и обосновывали. Главную роль играет духовная консолидация общества вокруг идеи развития"; при этом важно, как считает автор, чтобы они были обращены к различным группам населения, по-разному относящимся к инновационным процессам [9, с. 47,48].

Но вот как раз с идеей, которая консолидировала бы различные группы в постсоветских обществах, в настоящее время дело обстоит неважно. Антитоталитарная идеология, на первых порах объединявшая и способствовавшая развалу Союза, практически исчерпала себя, так как последний распался с голографическим

эффектом: "суверенные" осколки сохранили пороки "империи", которые при этом даже усугубились. Попытки же в качестве объединяющего, консолидирующего фактора использовать этно-национальную идею, как правило, неэффективны. На Украине, например, эта идея, являясь основным стержнем официальной идеологии, непопулярна среди основной массы населения, включая этнических украинцев. Реализации вполне разумной идеи создания Украины как государства "украинских граждан разного национального происхождения" [21] препятствует все ухудшающаяся социальная ситуация, которая делает практически невозможным создание гражданского общества вообще. В этих условиях активизация этно-национального фактора на уровне "официоза" не консолидирует, а разъединяет людей, усиливает социальную напряженность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумова Н.Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 6-21.
2. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 16.
3. Шаповалов В.Ф. Либерализм и Российская идея // Социологические исследования. 1996. № 2. С.45-55.
4. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 34-46.
5. Гордон Л.А. Область возможного. М., 1995.
6. Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 25-26.
7. Рывкина Р.В. Социальные последствия реформ // Социологический журнал. 1995. №3. С. 27-37.
8. Патрушев В.Д. Показатели отношения к труду: 1986-1995 годы // Социологический журнал. 1996. №3/4. С. 185-196.
9. Зарубина Н.И. Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 46-50.
10. Шиллер Р., Бойко М, Коробов В. Охота на Homo Sovieticus: ситуационные versus установочные факторы в экономическом поведении // Константы. Альманах социальных исследований. Херсон: МГНПП "Взаимодействие". 1993. Т. 1. № 1. С. 7-44.
11. Smelser N.J. Social change in the industrial revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1959.
12. Industrialization and society / Ed. by B.F.Hoselitz, W.E.Moore. Paris and the Hague: UNESCO, Mouton, 1963.
13. Social indicators / Ed. by E.Bauer. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
14. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. №4. С. 69.
15. Ионии Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 38.
16. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 11-21.
17. Воронков В.М., Фомин Э.А. Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 57-69.
18. Жуков В.И. Что такое ИРЧП? К вопросу о "человеческом потенциале" // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 101-

112.

19. Рывкина Р., Симагин Ю. Будущее России // Социологический журнал. 1996. №3/4. С. 55.
20. Society today. Second edition. California: CRM Books, 1973. P. 497.
21. Жмир В. На шляху до себе: Етно-соцологічна розвідка. Київ: Центр "Демократичні ініціативи", 1995. С. 112.